ОЧЕРКЪ
ИСТОРІИ РОДА КНЯЗЕЙ
БОРЯТИНСКИХЪ.

Составилъ В. С.

СТАВРОПОЛЬ.

1860.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГУБЕРНСКАГО ПРАВЛЕНІЯ.

Князья Борятинскіе ведутъ свой родъ отъ святаго благовѣрнаго князя Михаила Черниговскаго, происходившаго отъ Гюрика въ одиннадцатомъ колѣнѣ и отъ Равноапостольнаго князя Владиміра въ восьмомъ. Св. князь Михаилъ былъ одною изъ первыхъ жертвъ, павшихъ въ Ордѣ Сарайской по волѣ хана Батыя. Когда тучи татарскія пронеслись надъ сѣверною и южною Россіею, онѣ оставили по себѣ на всемъ пути своемъ однѣ развалины, да трупы непогребенныхъ. Повоевавъ, пограбивъ, упившись кровью русскихъ и нѣкоторыхъ родственныхъ намъ племенъ Славянскихъ, Татары не ушли въ Азію, какъ можно было ожидать, а остались въ предѣлахъ Россіи у береговъ Волги, гдѣ основали свое пребываніе на 200 слишкомъ лѣтъ, ежегодно требуя тяжелой дани отъ всѣхъ рус-

скихъ и исполненія унизительныхъ, по понятіямъ христіанъ, обрядовъ отъ князей нашихъ, являвшихся по дѣламъ въ Орду Сарайскую, большею частію за ханскою граматою или за ярлыкомъ, который давалъ князьямъ право на владѣніе княжежествомъ. Князья же наши и послѣ грозы татарской продолжали жить по прежнему: на сѣверѣ мало по малу утверждается новый порядокъ вещей, видимъ стремленіе къ собиранію земли русской въ единое цѣлое; на югѣ все идетъ по старому: тамъ продолжается борьба Олеговичей и Мономаховичей. Представителями послѣдней кровавой усобицы со стороны Мономаховичей былъ Даніилъ Галицкій, а со стороны Олеговичей Михаилъ и сынъ его Ростиславъ. Когда татары подходили къ Кіеву, то князья въ страхѣ разбѣжались, оставивъ стольный градъ во власти боярина Дмитрія: они знали, что отъ Татаръ имъ нѣтъ спасенья. Вмѣстѣ съ прочими скрылся отъ Татаръ и Михаилъ Черниговскій съ сыномъ своимъ у Поляковъ, передъ этимъ онъ воевалъ съ Даніиломъ Галицкимъ и теперь на время прекратилъ усобицу, которую кончилъ уже потомъ сынъ его. По удаленіи Татаръ къ берегамъ Волги, Михаилъ возвратился къ Кіеву и жилъ подъ городомъ на островѣ, а сынъ его Ростиславъ ушелъ въ Венгрію и женился тамъ на дочери короля Венгерскаго Бела IV. Узнавъ о томъ,

Михаилъ тоже отправился въ Венгрію, но сынъ и сватъ дурно его приняли, *чести ему не сотвористa* [1], какъ говоритъ лѣтописецъ. Глубоко оскорбленный Михаилъ возвратился къ себѣ въ Черниговъ и здѣсь встрѣтился съ баскаками ханскими, посланными отъ хана Батыя перечесть поголовно оставшихся въ живыхъ и наложить на нихъ тяжкую дань. Баскаки звали Михаила къ своему хану въ Орду и Михаилъ рѣшился ѣхать за ярлыкомъ на княжество Черниговское. Но ѣхать въ Орду значило ѣхать на явную смерть, а потому Михаилъ прежде всего отправился къ духовному своему отцу Іоанну за благословеніемъ. Духовникъ, узнавъ о намѣреніи князя, сказалъ ему: «многіе ѣздили къ хану и творили волю его, проходили сквозь огонь, кланялись кусту и солнцу и тѣмъ погубили свои души; а ты, княже, не сотвори тако, ни иди сквозь огонь, ни поклонися идоломъ, ни брашна ихъ яжь, ни питіа ихъ пій» [2]. Великій Князь и сопровождавшій его вѣрный бояринъ Ѳеодоръ отвѣчали: «молитвою твоею, отче, яко же Богъ восхощетъ, тако да будетъ.» Принявъ отъ духовника благословеніе и запасные святые дары, Михаилъ, бояринъ его Ѳеодоръ и внукъ Михаила Борисъ Васильковичъ [3] отправились 1246 г. въ Орду. Прежде чѣмъ войти въ шатеръ хана, Михаилъ долженъ былъ, обратившись на югъ, поклониться изобра-

женію умершаго Чингисъ-Хана и пройти сквозь разложенный передъ ставкою священный огонь «Нѣтъ, сказалъ Михаилъ, если Богъ за грѣхи наши предалъ насъ и власть нашу въ руки ваши, то я готовъ поклониться царю и рабамъ его, но христіанинъ не долженъ кланяться ни идоламъ, ни огню». Батый приказалъ ему сказать, что онъ или долженъ повиноваться, или долженъ умереть. «Да будетъ!» отвѣчалъ князь; вынулъ запасные дары, причастился Святыхъ Таинъ вмѣстѣ съ бояриномъ Ѳеодоромъ и пѣлъ псалмы Давидовы Какъ звѣри бросились на него разъяренные Татары, били его въ животъ и сердце. Внукъ Михаила Борисъ Васильковичъ слезами своими хотѣлъ было преклонить дѣда на волю Батыя и окружавшіе Михаила бояре Ростовскіе, сожалѣя о немъ, убѣждали его къ тому же, брали грѣхъ его на себя и на всю область свою, но Михаилъ говорилъ имъ: «для васъ не погублю души своей и, сбросивъ съ себя княжескую одежду, присоединилъ: возмите славу міра; хочу небесной.» Какой то русскій отступникъ, житель Путивля, по имени Даманъ, желая скорѣе прекратить муки князя, отрубилъ ему голову и слышалъ послѣднія тихо произнесенныя имъ слова: христіанинъ есмь! Такой же участи подвергся и вѣрный бояринъ его Ѳеодоръ, который во все время мученія своего князя, увѣщевалъ его не нарушать

закона христіанскаго и напоминалъ ему слова духовника: не губить души идолопоклонствомъ. Тѣла ихъ, поверженныя псамъ, были сохранены усердіемъ русскихъ, а церковь причла ихъ къ лику Святыхъ. Въ настоящее время мощи ихъ почиваютъ въ Архангельскомъ соборѣ въ Москвѣ ([1]). Память ихъ празднуется 20 сентября.

Отъ этого-то мученика за вѣру православную ведутъ свой родъ многія изъ фамилій княжескихъ, доселѣ существующихъ, и между ними князья Борятинскіе. Родоначальникомъ ихъ былъ князь Александръ Андреевичъ Мезецкій Борятинскій, получившій свою фамилію отъ волости своей Борятины, на рѣкѣ Клетомѣ, въ Мещовскомъ уѣздѣ Калужской губерніи. Хотя мы не знаемъ точно ни года рожденія, ни года смерти Александра Андреевича, но знаемъ вѣрно, что онъ жилъ въ XIV, и именно въ концѣ этаго столѣтія, потому что отецъ его Андрей Всеволодовичъ Мезецкій, жившій въ княженіе первыхъ собирателей земли русской: Іоанна Калиты, Семеона Гордаго и Іоанна Кроткаго, умеръ въ 1361 г. Слѣдовательно, со всею вѣроятностію, можно предположить, что родоначальникъ князей Борятинскихъ былъ современникъ Дмитрія Донскаго и стало быть Куликовской битвы—этой первой славной побѣды Русскихъ надъ Татарами, разувѣрившей насъ въ непобѣдимости Татаръ. Мы знаемъ

всѣхъ сыновей, внуковъ и правнуковъ князя Александра Андреевича, но объ ихъ дѣятельности намъ ничего неизвѣстно Причиною тому полагаемъ то обстоятельство, что XIV и XV вѣка въ Русской исторіи составляють время переходное отъ стараго къ новому порядку вещей; удѣлы исчезають одинъ за другимъ и сливаются въ одно огромное княжество Московское, князья удѣльные теряютъ всякое значеніе и становятся въ ряды вѣрныхъ слугъ Великаго Князя Московскаго и всея Руси. Въ это время князья и особенно бояре по старой привычкѣ отъѣзжаютъ отъ одного князя къ другому; а послѣ въ XVI вѣкѣ, когда отъѣздъ отъ одного русскаго князя къ другому сталъ невозможенъ въ слѣдствіе объединенія Россіи, они отъѣзжаютъ къ хану Крымскому, въ Литву или въ Польшу; потому то и трудно слѣдить исторію этихъ князей и бояръ, часто мѣнявшихъ мѣсто своей службы и слѣдовательно мѣсто жительства. Впрочемъ въ XVI столѣтіи, когда въ Россіи является единовластитель царь, когда объединеніе Россіи кончилось и нужно было заняться внутреннимъ устройствомъ государства, когда наша жизнь, а слѣдовательно и исторія принимаютъ новое направленіе, тогда на сцену исторіи виднѣе выступаютъ княжескіе роды и между ними не безъ славы родъ князей Борятинскихъ; они вѣрою и правдою служатъ ца-

рю и отечеству; во всѣхъ великихъ событіяхъ XVI и XVII столѣтій: они принимаютъ самое дѣятельное участіе, одинъ изъ нихъ, какъ увидимъ ниже, спасъ престолъ царя Московскаго отъ вора и разбойника Стеньки Разина. Въ XVIII столѣтіи родъ князей Борятинскихъ не затерялся, какъ затерялись многіе въ то время, но продолжалъ съ честію свое служеніе отечеству, все ближе и ближе подходятъ они къ престолу царскому, они пользуются довѣріемъ и благосклонностію государей Россіи и, скажемъ безъ всякаго преувеличенія, въ наши дни, въ дни славнаго царствованія Александра II, кто болѣе всѣхъ оправдалъ *довѣріе Монарха*?—Теперь всему свѣту извѣстны событія на Кавказѣ въ минувшемъ году. Съ плѣномъ Шамиля, съ добровольною покорностію Магометъ-Амина соединена безсмертная слава Намѣстника Кавказа, Князя Александра Ивановича, заявившаго предъ лицомъ всей Россіи мужество и храбрость, наслѣдственные въ его родѣ и подвигами своими еще болѣе возвысившаго славу своей фамиліи.

Первый извѣстный по своимъ дѣяніямъ изъ рода князей Борятинскихъ былъ *Князь Петръ Ивановичъ*. Дѣятельность его относится главнымъ образомъ къ тому времени, когда царь Іоаннъ IV Васильевичъ изъ царя правды сдѣлался грознымъ гонителемъ своихъ подданныхъ. Кто не стра-

лялъ въ то время? Однако народъ не роп-талъ и почиталъ гоненія царя гнѣвомъ не-беснымъ за грѣхи свои; если и были исклю-ченія, если были напр. отъѣзды, то отъѣз-жали князья и бояре. Но не таковы были Борятинскіе, вѣрою и правдою служившіе и грозному царю. Князь Петръ Ивановичъ пользовался большимъ довѣріемъ царя. Очень часто въ то время опала царская падала на князей и бояръ, еще чаще князья и бояре находились въ подозрѣніи, ихъ считали измѣнниками или по крайней мѣрѣ готовыми измѣнить, напр. при первомъ удобномъ случаѣ отъѣхать въ Литву или въ Крымъ. Какъ спасти такого князя или боя-рина отъ гнѣва царскаго? Въ такомъ слу-чаѣ его товарищи составляли по немъ по-ручную запись, т. е. они ручались, что такой-то бояринъ или князь не отъѣдетъ ни въ Литву, ни въ Польшу, а въ против-номъ случаѣ они, поручители, платятъ ца-рю за побѣгъ извѣстную сумму денегъ. Такъ въ 1562 г. марта 20 дня, князь Петръ Ивановичъ съ другими князьями поручился за Ивана Дмитріевича Бѣльскаго, что онъ не убѣжитъ въ Литву, въ Крымъ или въ другое мѣсто, а въ противномъ случаѣ онъ и его товарищи платятъ 10,000 руб. царю, на долю Борятинскаго приходилось 100 р. Точно также поручался Петръ Ива-новичъ вмѣстѣ съ другими за Александра Ивановича Воротынскаго и князя Ивана

Ѳедоровича Мстиславскаго ([5]). Такимъ образомъ князь Петръ Ивановичъ былъ лицо довѣренное и у царя, и у современниковъ князей и бояръ. Когда въ 1566 г. іюня 2 дня созванъ былъ въ Москву великій земскій соборъ, состоявшій изъ духовныхъ особъ, бояръ, окольничихъ, дьяковъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ, гостей купцовъ, тогда въ числѣ прочихъ на этомъ соборѣ присутствовалъ и князь Петръ Ивановичъ. Собору предложенъ былъ вопросъ: воевать съ царемъ Польскимъ Сигизмундомъ Августомъ или нѣтъ? Царь не хотѣлъ взять на себя рѣшеніе столь важнаго вопроса и поступилъ такъ, какъ никто не поступалъ изъ его предшественниковъ. Онъ созвалъ представителей народа и у нихъ спрашивалъ: воевать или нѣтъ? Война была неизбѣжна, потому что Сигизмундъ не справедливо взялъ въ свое обереганье города лифляндскіе, а пословъ прислалъ для перемирья съ невыгодными условіями Каждый классъ людей, присутствовавшихъ на этомъ соборѣ, долженъ былъ особо подавать свое мнѣніе. Дворяне и дѣти боярскіе, въ числѣ ихъ и князь Петръ Ивановичъ, говорили: «государю нашему за тѣ городѣ стояти; а мы холопы его на его государево дѣло готовы» ([6]). Вѣрность князя Петра Ивановича не оставалась безъ награды Въ званіи дворянина онъ былъ намѣстникомъ Пронскимъ и въ 1575 г получилъ отъ ца-

ря важное порученіе—ѣхать вмѣстѣ съ княземъ Сицкимъ къ Шведамъ для заключенія перемирія Нашъ посолъ въ Швеціи Чихачевъ былъ оскорбленъ шведскими вельможами: одинъ избилъ его въ грудь, другой поносилъ его непристойными словами. Къ удивленію всѣхъ, царь не вступился за обиду посла, а сдѣлалъ угодное королю Шведскому: послалъ на берега рѣки Сестры, составлявшей въ то время границу Россіи и Швеціи, Князя Сицкаго и Петра Ивановича Борятинскаго для заключенія мира. Шведскіе послы перешли на русскій берегъ рѣки Сестры, долго спорили и мира не заключили, а только перемиріе на два года (7). Изъ актовъ того времени видимъ, что Князь Петръ Ивановичъ былъ не только вѣрноподданный, лицо близкое къ царю, но вмѣстѣ съ тѣмъ и храбрый воинъ. Во время войны Польской онъ назначенъ былъ воеводою въ городъ, окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, воинами Стефана Баторія. Въ 1580 г. князь Петръ Ивановичъ назначенъ былъ воеводою въ Холмъ, куда, кажется, переведенъ былъ изъ Тулы, гдѣ онъ начальствовалъ въ 1577 г. Въ чистомъ полѣ, вѣроятно, князь Петръ Ивановичъ постоялъ бы за себя и за людей своихъ, но люди литовскіе пришли *искрадомъ* въ ночи къ Холму (8) и взяли въ плѣнъ воеводу князя Петра Ивановича, откула онъ послѣ возвратился,

вѣроятно выкупленъ былъ самимъ царомъ вмѣстѣ съ другимъ Борятинскимъ княземъ Юріемъ Дмитріевичемъ (9), дальнымъ родственникомъ Петра Ивановича, о которомъ сохранился интересный анекдотъ (10). Когда онъ былъ выкупленъ изъ плѣна вмѣстѣ съ княземъ Іосифомъ Щербатымъ, онъ былъ удостоенъ честя обѣдать у царя. Царь расправшивалъ за столомъ и Борятинскаго и Щербатаго о Литвѣ: Щербатый говорилъ правду, Борятинскій лгалъ, увѣряя, что король Польскій не имѣетъ ни войска, ни крѣпостей, что онъ будто бы трепещетъ одного имени Іоаннова. «Бѣдный король!» сказалъ тихо царь, качая головою: «какъ ты мнѣ жалокъ!» и вдругъ, схвативъ посохъ, изломалъ его въ мелкія щепы о Борятинскаго, приговаривая: «вотъ тебѣ, безстыдному, за грубую ложь!»

Князь Петръ Ивановичъ пережилъ Грознаго; онъ упоминается въ слѣдующее царствованіе Ѳедора Іоанновича. Когда въ 1591 г. Крымскій ханъ Казы-Гирей подошелъ къ Москвѣ, всѣ жители были въ страхѣ, а царь Ѳедоръ Іоанновичъ по обыкновенію ничего не предпринималъ и молился Богу, и на этотъ разъ до того, говорятъ усердно, что въ изнеможеніи силъ упалъ и заснулъ; дѣйствовалъ, какъ извѣстно, Годуновъ, прославившійся при отраженіи Казы-Гирея, а воеводы по обычаю старины мѣстничались т. е. считались мѣ-

стами, спорили о старшинствѣ. Князь Петръ Ивановичъ также былъ въ числѣ воеводъ, считавшихъ себя обиженными: онъ мѣстничился съ Шереметевымъ, за что и былъ посаженъ на три дня въ темницу: онъ высидѣлъ три дня, но не смирился и на службу не пошелъ. Борисъ Годуновъ, тогда еще правитель Россіи, не любилъ подобныхъ людей и старался держать ихъ по дальше отъ себя, давалъ имъ воеводства въ отдаленныхъ городахъ: такъ вѣроятно онъ, предвидя въ Борятинскомъ опаснаго въ послѣдствіи врага, отправилъ его воеводою въ Сибирскій, только что построенный городъ Тобольскъ.

Въ послѣдній разъ имя его упоминается въ грамотѣ объ утвержденіи на престолѣ всероссійскомъ Бориса Годунова. Подъ этой грамотою подписались семеро князей Борятинскихъ: первый князь Петръ Ивановичъ, за нимъ пятеро его сыновей и дальній ихъ родственникъ, сынъ Михаила Өедоровича, воеводы Бѣлозерскаго въ царствованіе Грознаго, Иванъ Михайловичъ (¹¹).

Подъ грамотою объ утвержденіи Бориса Годунова на престолѣ подписались слѣдующіе пять сыновей Петра Ивановича: Өедоръ, Яковъ, Иванъ, Михаилъ и Никита; подписывались они, разумѣется по старшинству, а потому и будемъ говорить о

нихъ, сколько намъ извѣстно, въ этомъ же порядкѣ.

Князь Θедоръ Петровичъ извѣстенъ своею обширною дѣятельностью, онъ изъѣздилъ всю Россію, исполняя различныя порученія, возложенныя на него правительствомъ. Его дѣятельность начинается въ Сибири, гдѣ онъ былъ вмѣстѣ съ своимъ отцемъ. Тамъ онъ построилъ городъ Сургутъ 1595 г. и первый былъ воеводою. Въ царствованіе Бориса Годунова въ 1600 г. ему поручено было ѣхать въ Лапландію, для опредѣленія границъ между Россіею и Даніею, а отсюда онъ долженъ былъ ѣхать на другой совершенно противоположный конецъ въ Россіи—въ Крымъ, къ хану Казы-Гирею, при которомъ состоялъ посломъ. Хану онъ не понравился, потому что не дѣлалъ ему угодное. Когда Донскіе казаки напали на Карасанскій улусъ, ханъ требовалъ отъ Борятинскаго, чтобы онъ удержалъ казаковъ отъ нападенія, а посолъ отвѣчалъ ему на это: «у васъ есть сабли, а мое дѣло сноситься только съ ханами, не съ ворами казаками» ([12]). Казы-Гирей съ гнѣвомъ выслалъ его изъ Тавриды. По возвращеніи въ Москву Борисъ Годуновъ поручилъ ему ѣхать въ Тверь встрѣчать королевича Густава, жениха его дочери Ксеніи; ему же Борисъ Годуновъ назначилъ было ѣхать посломъ въ Данію, но Густавъ умеръ и Θедоръ Петровичъ остал-

ся въ Москвѣ. Въ смутное время царствованія Василія Ивановича Шуйскаго, Ѳедоръ Петровичъ былъ Ярославскимъ воеводою. Такъ какъ это время было временемъ общаго броженія и колебанія умовъ, да и царь Василій Ивановичъ Шуйскій былъ царь партіи, а не всей Россіи, то неудивительно, что Ярославскій воевода Ѳедоръ Петровичъ Борятинскій перешелъ на сторону самозванца и ему служилъ вѣрно Воевода съ жителями Ярославля пишетъ къ Дмитрію, чтобъ онъ простилъ имъ вину, что они слышали будто бы его убили, а теперь обѣщаетъ служить ему вѣрно (13) Вѣрность эту онъ доказалъ на самомъ дѣлѣ: такъ онъ посылаетъ Сапѣгѣ свинцу, пороху, сѣры, смолы и желѣза; стараніемъ его покорились самозванцу многіе города и между прочими Вологда; вотъ что писали Устюжане къ Вычегодцамъ: «а изъ Ярославля де летучіе люди пометавъ домы своя разбѣжалися, а чернь со княземъ Ѳедоромъ Борятинскимъ писали въ полки повинныя и крестъ де цѣловали сказываютъ царевичу Дмитрію Ивановичу. и оттуда де, изъ Ярославля, князь Ѳедоръ Борятинскій прислалъ на Вологду къ Никитѣ Пушкину съ товарищи наказъ и цѣловальную запись, и на Вологдѣ де Никита Пушкинъ съ товарищи крестъ цѣловали же (14)». Когда Литовцы и казаки нападали на окрестности Ярославля и грабили

ихъ, Өедоръ Петровичъ писалъ о томъ къ Сапѣгѣ и просилъ у него помощи. Самозванецъ присылалъ къ нимъ на помощь Лисовскаго. Когда въ 1609 году, Ярославль покорился Шуйскому, то «Өедоръ Борятинскій. да Богданъ Сутуповъ бѣжали съ ними воры [съ литовцами] и взяли съ собою связанныхъ, тѣхъ, которые государю прямили.» Въ слѣдующемъ 1610 г Өедоръ Борятинскій является воеводою въ Новгородѣ-Сѣверскомъ и Лжедимитрій пишетъ къ нему объ укрѣпленіи города и о мѣрахъ предосторожности отъ нападенія Литовцевъ. Когда наконецъ кончилось это тяжелое смутное время и Москва, а за нею и вся Россія, была спасена отъ ига Польскаго и Литовскаго Нижегородскимъ гражданиномъ Козьмою Мининымъ и княземъ Пожарскимъ, когда земскій соборъ избралъ единодушно царемъ Михаила Өедоровича Романова, тогда Өедоръ Петровичъ является снова вѣрнымъ царскимъ слугою и получаетъ по прежнему важныя порученія. Такъ въ 1617 г. онъ отправленъ былъ въ Стокгольмъ для ратификаціи Столбовскаго мира. Вотъ что говорится объ этомъ посольствѣ Борятинскаго у извѣстнаго нашего историка г. Соловьева ([15]). «Для окончательнаго подтвержденія мирнаго договора Густавъ Адольфъ послалъ въ Москву своихъ пословъ, а Михаилъ Өедоровичъ своихъ, въ числѣ ихъ первое мѣсто занималъ дворянинъ

князь Өедоръ Борятинскій. Въ сентябрѣ 1617 г. Московскіе послы по договору съѣхались съ Шведами на рубежѣ, на рѣкѣ Лавуѣ, на мосту, чтобъ показать свои грамоты, такъ ли написаны? Оказалось, что не такъ, начались споры за титулъ и дѣло затянулось, начали посылать къ государю на обсылку, тогда какъ государю нужно было какъ можно скорѣе кончить дѣло: онъ писалъ къ Борятинскому, что Польскій королевичъ Владиславъ Дорогобужъ взялъ, хочетъ идти на Москву; послы, по его наказу, должны были говорить Шведскимъ посламъ и будучи въ Стекольнѣ [Стокгольмѣ] Шведскимъ думнымъ людямъ, чтобы король Густавъ Адольфъ помогъ царю, послалъ свое войско въ Ливонію, а царь послѣ воздастъ за это; Борятинскій долженъ былъ говорить Шведамъ, что Владиславъ, доступя Москвы, хочетъ доступать и Швеціи, что Владиславъ называетъ Густава Адольфа измѣнникомъ своимъ. Шведскіе послы отказали: «велѣно намъ о томъ говорить, какъ будемъ у государя на Москвѣ, а съ вами намъ о томъ говорить не велѣно».

«Только 15 февраля 1618 г. послы двинулись съ рубежа—одни въ Москву, другіе въ Швецію. Борятинскаго съ послами долго держали въ Упсалѣ, не везли въ Стокгольмъ, отговариваясь тѣмъ, что дороги нѣтъ и что король хоронитъ брата

своего Іоанна; только 2 го іюня пошли изъ Упсала въ Стокгольмъ. Здѣсь Борятинскому удалось выговорить, чтобы король писался не государемъ Ижерской земли, но государемъ въ Ижерѣ, на томъ основаніи, что не вся Ижерская земля за Шведами. Густавъ Адольфъ согласился заключить договоръ, чтобы стоять на Польскаго короля за одно и не мириться одному государю безъ желанія другаго; но требовалъ, чтобы царь не писался никогда ни къ кому лифонскимъ, отказался ото всѣхъ притязаній на эту землю, чтобы Шведскимъ купцамъ отведены были особые торговые дворы въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ они будутъ просить, чтобы имъ позволено было ѣздить во всѣ русскіе города, чтобы не запирать ихъ въ дворахъ по московскому обычаю, чтобы быть имъ какъ у друзей, а не какъ плѣнникамъ. Послы отвѣчали, что они на заключеніе такого мира полной мочи не имѣютъ; и король рѣшился послать въ Москву для этого своего секретаря. Послы требовали, чтобы послать противъ Поляковъ, но Шведы выжидали и дѣло кончилось безъ ихъ вмѣшательства».

Въ послѣдній разъ встрѣчаемъ мы этаго искуснаго дипломата воеводою въ Казани «Въ 1621 г. октября 21 дня въ золотой большой грановитой палатѣ созванъ былъ

соборъ въ присутствіи царя Михаила Өеодоровича и родителя его патріарха государя Филарета Никитича. Разсуждали о невозможности сохранять согласіе съ Поляками и Литовцами по непрестанному нарушенію мирныхъ статей 1618 г., а послы Сигизмундовы сверхъ того въ своихъ воровскихъ листахъ государево имя писали не по пригожу, со многою укоризною, чего не токмо говорити или писати, и слышати не пригоже. Всѣ единогласно положили воевать съ Сигизмундомъ, а царь разослалъ по городамъ грамоты съ приказаніемъ воеводамъ—набирать войско, чтобы *ни-каковъ человѣкъ въ избылыхъ не былъ*. Въ Казани велѣно было привести въ исполненіе этотъ царскій приказъ боярину и воеводамъ Борису Михайловичу Лыкову да князю Өедору княжъ Петрову сыну Борятинскому, да дьякамъ, чтобы они собрали войско изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ: Казанцевъ, Свіяженъ, Чебоксарскихъ и Кузмодемьянскихъ и Цывильскихъ и Кокшанскихъ и Сангужскихъ и Еранскихъ помѣщиковъ, и тѣхъ городовъ князей и мурзъ и татаръ и новокрещеновъ и тархановъ.» Вотъ все, что намъ извѣстно о дѣятельности князя Өедора Петровича Борятинскаго: дипломатъ, администраторъ и вѣрный царскій слуга, онъ кончилъ дни свои въ званіи воеводы Казанскаго, по крайней мѣрѣ ни гдѣ не видно болѣе его имени въ

имѣющихся у насъ печатныхъ источникахъ Русской исторіи.

Братъ Θедора Петровича *Яковъ Петровичъ*, одинъ изъ храбрѣйшихъ воеводъ своего времени, не только по отзыву русскихъ лѣтописцевъ, но и иностранцевъ. Шведскій историкъ Видекиндъ называетъ его мужемъ дѣятельнымъ и неустрашимымъ: vir alacer strenuusque. Въ 1604 г. онъ былъ въ числѣ воеводъ, мужественно защищавшихъ Новгородъ Сѣверскій отъ Лжедимитрія; сражался неустрашимо въ жестокой битвѣ на Пчельнѣ; потомъ онъ служилъ подъ знаменами извѣстнаго героя Михаила Васильевича Скопина Шуйскаго, по порученію котораго онъ ѣздилъ «къ Шведскому генералу Якову Пунтусову де Лагарди съ соболями и деньгами для войска», которое должно было идти къ намъ на помощь. Карлъ Олюсонъ, дьякъ Карла IX, уговорился съ Михаиломъ Васильевичемъ Скопинымъ Шуйскимъ отдать Шведамъ Корелу и дать содержаніе по 100 ефимковъ на мѣсяцъ и тогда идти имъ подъ Колязинъ монастырь ([16]). Когда это дѣло было улажено, князь Михаилъ Васильевичъ выступилъ изъ Новгорода, въ Торжкѣ войско его усилилось еще 3000 дѣтей боярскихъ и земледѣльцевъ, приведенныхъ Яковомъ Петровичемъ изъ Смоленскихъ уѣздовъ. На пути изъ Смоленска князь Яковъ разбилъ Литовскаго ротмистра Плюшку подъ Дорого-

бужемъ, взялъ Вязьму, Бѣлую, Дорогобужъ, очистилъ отъ воровъ литовцевъ всѣ эти города и вмѣстѣ съ воеводою Одадуровымъ пошелъ въ сходь къ боярину къ Михайлѣ Васильевичу. Въ сраженіи при Колязинѣ монастырѣ онъ вмѣстѣ съ другими отличился мужествомъ: втопталъ непріятеля въ болото. Въ несчастномъ Клушинскомъ сраженіи 24 іюня 1610 года онъ взятъ былъ въ плѣнъ и возвращенъ при размѣнѣ плѣнныхъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича ([17]). Вскорѣ послѣ того онъ умеръ.

Третій сынъ Петра Ивановича *Михаилъ Петровичъ* назначенъ былъ посломъ къ шаху Персидскому Аббасу въ 1618 г. и тамъ скончался.

Четвертый сынъ Петра Ивановича *Никита Петровичъ* въ царствованіе Михаила Ѳедоровича назначенъ былъ въ помощь князю Одоевскому, преслѣдовавшему мятежника Ивашку Заруцкаго и его соумышленниковъ; Никита Петровичъ назначенъ былъ воеводою въ городъ Алатырь, гдѣ онъ былъ вмѣстѣ съ другимъ воеводою княземъ Юріемъ Сулешевымъ ([18]). 1614 г. они получили приказъ ѣхать конною ратью на мятежниковъ, велѣно ѣхать скорѣе и осмотрѣть рать, а по *нѣтчиковъ* посылать имъ отъ себя. «А которые нѣтчики учнутъ ослушаться, или учнутъ хоронитьея и тѣхъ велѣти сыскивати накрѣпко; а сыскавъ велѣти ихъ приводити къ себѣ на Алатырь,

да тѣхъ ослушниковъ велѣти бити ботаги и сожати въ тюрьму на время, а изъ тюрьмы велѣти давати на крѣпкія поруки съ записьми.» Между прочимъ въ этой же грамотѣ царь приказываетъ воеводамъ держать вѣстовщиковъ, а если ихъ возмутъ въ плѣнъ, чтобы они говорили, что на Украйнѣ и въ Казани стоятъ многіе ратные люди и за то ихъ царь пожалуетъ, выкупитъ изъ плѣна; велѣно также имѣть лазутчиковъ, чтобъ узнавать гдѣ Ивашка и Маринка въ Астрахани или нѣтъ и прямятъ ли имъ Астраханцы? Царь обѣщаетъ всѣмъ свои милости за ихъ вѣрную службу.—Извѣстно, что Заруцкій и Марина были изловлены и отправлены въ Москву, гдѣ получили достойное наказаніе. Борятинскій не остался безъ награды: изъ Алатыря онъ сперва переведенъ былъ воеводою въ Муромъ, а потомъ во Ржевъ, и здѣсь получилъ отъ царя грамоту идти походомъ къ Дорогобужу для отраженія польскаго военачальника Гасевскаго въ 1616 г. октября 31 дня (19). «Идти съ Ржевцами, Зубчанами, Новгородцами немедля и пришедъ въ Дорогобужъ — надъ Гасевскимъ и польскими людьми промышлять всякимъ обычаемъ, сколько милосердый Богъ помочи подастъ и смотря по тамошнему дѣлу.» Ему велѣно было также если нужно, построить острожки и обо всемъ извѣщать царя. Когда въ 1618 г. Владиславъ подступалъ къ Москвѣ, то созванъ

былъ соборъ и рѣшено было сидѣть въ Москвѣ и не славаться и не сноситься съ Владиславомъ, ждать помощи изъ Ярославля и изъ Нижняго, за Москвой рѣкой быть воеводамъ князю Ивану Михайловичу Котыреву-Ростовскому, да князю Микитѣ княжъ Петрову сыну Борятинскому, боярамъ быть безъ мѣстъ по 128 годъ [т е по 1620] ([20]). Съ 1623 по 1625 г. князь Никита Петровичъ былъ воеводою въ Верхотурьѣ, онъ получилъ въ это время грамоту о поселеніи нетяглыхъ крестьянъ на новопріобрѣтенныхъ пашенныхъ участкахъ и о надзорѣ за продажею вина, потому что «многіе пили безъ мѣры и пропивались.» Въ 1646 г. онъ посланъ былъ на *Волгу* для преслѣдованія разбойниковъ. Умеръ около 1649 года.

Сыновья Петра Ивановича не оставили послѣ себя потомства, исключая одного Никиты Петровича. Единственный сынъ его былъ *Юрій Никитичъ* —славный воевода временъ Алексѣя Михайловича. Не много знаемъ мы въ исторіи Русской воеводъ, съ именемъ которыхъ соединено бы было столько великихъ дѣлъ. Древнее русское войско не знало строя, было изъ земледѣльцевъ, оторванныхъ отъ сохи на время, какъ говорили тогда; однако это войско умѣло побѣждать, умѣло выдержать самый стремительный натискъ врага, бросалось, когда нужно, стремглавъ на непріятеля и

въ пылу битвы, бросивъ иногда и самое оружіе, вступало въ рукопашный бой. Правда, что войско съ подобнымъ строемъ часто терпѣло и пораженія, но причиной этому не всегда было незнаніе дисципли-ны, виною тому была часто неспособность воеводъ и еще чаще мѣстничество, примѣ-ры чему самые разительные находимъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Стало быть уже по природѣ народъ русскій былъ народъ мужественный, а знаніе дисципли-ны, строй западной Европы дали возмож-ность русскимъ воинамъ развить въ себѣ это природное качество и возвести ратное дѣло на степень искусства. Начиная съ XVII вѣка, когда мы начали знакомиться съ иностраннымъ строемъ, сколько совер-шено великихъ, славныхъ дѣлъ русскими воинами? Начиная отъ битвы Полтавской до нашихъ дней, до геройскаго взятія Гу-ниба не одна страница не только русской, но и всемірной исторіи украшена необы-кновенными подвигами витязей русскихъ — Отступленіе это было необходимо по на-шему мнѣнію, чтобы достойно оцѣнить за-слуги Юрія Никитича, ибо въ его войскѣ было два строя: старый и новый, строй западный. Наслѣдовавъ отъ отца и дѣда воинственность и храбрость, онъ при бла-гопріятныхъ обстоятельствахъ развилъ въ себѣ эти качества въ высшей степени и въ трудное для Россіи время спасъ престолъ

царя Московскаго. Его дѣянія кажутся намъ теперь еще выше, когда мы знаемъ, что онъ былъ начальникомъ толпы довольно пестрой, и при томъ въ такое время, когда на одного вѣрноподданнаго приходилось два, три измѣнника, вѣрныхъ разбойнику Стенькѣ Разину. Съ самаго начала своей дѣятельности онъ стоитъ довольно близко къ царю. Въ 1658 г. былъ вызванъ съ Бѣлаго озера жилецкій князь Юрій княжъ Никитинъ сынъ Борятинскій для встрѣчи Грузинскаго царя Теймураза (21). Вмѣстѣ съ внукомъ Теймураза царевичемъ Николаемъ Давидовичемъ, проживавшимъ у насъ въ Москвѣ, Юрій Никитичъ отправился во Владиміръ, гдѣ и была встрѣча. На слѣдующій годъ 1659 Юрій Никитичъ былъ уже въ Малороссіи и воевалъ съ наказнымъ атаманомъ Константиномъ Выговскимъ. Трофеи побѣды Юрія Никитича хранится доселѣ въ оружейной палатѣ. Это буздыханъ съ 12-ю прорѣзными перьями, а на рукоятя по гранямъ его нарѣзана надпись: «167 года [1659] сентября въ 20 день Буздыханъ князя Юрія Никитича Борятинскаго, взятъ на бою подъ Васильковымъ, отъ Кіева полъ 30 верстъ, побивъ наказнаго Гетмана войска Запорожскаго, Константина Выговскаго и Крымскаго Мурзукъ-Плана изъ татаръ; а полковниковъ Ивана Сербина и Василья Выговскаго и многихъ живыхъ побрали; а государевыхъ

людей не убито и въ полонъ не взято, ни человѣка». Надпись эта всего лучше свидѣтельствуетъ о подвигѣ Юрія Никитича. Но его дѣятельность не ограничивалась однимъ Кіевомъ, онъ былъ во многихъ походахъ подъ Ригою, въ Смоленскѣ, на украинскихъ предѣлахъ, въ 1664 г. мы встрѣчаемъ его уже въ званіи окольничаго. Вмѣстѣ съ другими товарищами онъ выгналъ въ этомъ году Поляковъ и Литовцевъ изъ Брянска (22). Въ одно время съ польскою войною мы должны были воевать и съ казаками, которыхъ взбунтовалъ гетманъ Дорошенко. Особенно сильно отразился этотъ бунтъ сперва на Дону, а потомъ и на Волгѣ, гдѣ предводителемъ казаковъ былъ Степанъ Тимоѳеевъ Разинъ. Степанъ, или какъ называлъ его народъ, Стенька мстилъ за смерть своего брата, повѣшеннаго по приказанію князя Юрія Долгорукаго, во время польской войны, за побѣгъ изъ войска. Но Стенька съ братомъ своимъ Фролкою не только хотѣлъ отмстить за смерть брата, но и *тряхнуть* всѣмъ Московскимъ государствомъ. Стенька былъ какой то извергъ рода человѣческаго: «предпріимчивъ, своенравенъ, упоренъ въ предпріятіяхъ, то мрачный и суровый, то разгульный до бѣшенства, жестокій и кровожадный, онъ, казалось, не имѣлъ сердца ни для другихъ, ни для себя (23). Онъ распустилъ слухъ, что его помощи ищутъ царевичъ Алексѣй, не задолго предъ тѣмъ

умершій, и патріархъ Никонъ, тогда уже сверженный и преспокойно проживавшій въ монастырѣ; онъ объявилъ, что всѣмъ дастъ вѣчную свободу и вооружилъ такимъ образомъ крестьянъ противъ помѣщиковъ Кровавые слѣды его набѣговъ привели въ трепетъ всю юговосточную Россію, гдѣ господствовалъ Разинъ; страхъ предъ его именемъ былъ такъ великъ, что доходилъ до самой Москвы и здѣсь даже поговаривали, что если Стенька придетъ къ Москвѣ, то надо его встрѣтить съ хлѣбомъ и солью. За то страшно было и мщеніе воеводъ Московскихъ, преслѣдовавшихъ Стеньку Разина и его сообщниковъ. Особенно страшно казнилъ бунтовщиковъ князь Юрій Долгорукій, тотъ самый, который во время польской войны казнилъ брата Стеньки Разина. Стенька обыкновенно не покорныхъ себѣ вѣшалъ и Юрій Долгорукій и товарищи его также вѣшали взятыхъ въ плѣнъ. Читая исторію бунта Стеньки Разина въ превосходномъ изложеніи г. Костомарова не разъ спрашиваешь себя: откуда берется такая звѣрская жестокость и лютость? Въ загрубѣлости нравовъ, въ неудачномъ складѣ общества, говоритъ историкъ бунта, спасителемъ Московскаго государства является Юрій Никитичъ Борятинскій, вмѣстѣ съ которымъ дѣйствовалъ и дальный его родственникъ Данило Борятинскій. Съ многочисленнымъ войскомъ Стенька Разинъ,

послѣ удачнаго разбоя въ низовьяхъ Волги, въ Астрахани, Царицинѣ и Саратовѣ, пробирался къ Нижнему и самой Москвѣ. Но разбитый Юріемъ Долгорукимъ, онъ еще разъ и окончательно разбитъ былъ на голову подъ Симбирскомъ Юріемъ Борятинскимъ ([24]). «Можно сказать, говоритъ г Костомаровъ, что Борятинскій, одержавъ побѣду подъ Симбирскомъ, спасъ русскій престолъ. Еслибъ успѣхъ этой битвы остался на сторонѣ Разина, мятежъ принялъ бы ужасный размѣръ Стенька находилъ сочувствіе не только въ окрестныхъ жителяхъ, но и въ далекихъ углахъ Россіи; масса поднялась бы страшнымъ пластомъ.... Борятинскій однимъ днемъ все разрушилъ. Какъ съ одной стороны, успѣхъ Стеньки увеличивалъ число его сообщниковъ, такъ съ другой, одинъ проигрышъ уронилъ его значеніе въ глазахъ обольщеннаго народа. Симбирская битва была вабанкъ воровскаго атамана ([25])» Извѣстно, что потомъ бодрость Стенькиной шайки ослабла, буйная сволочь эта разбѣжалась, а Стенька былъ пойманъ съ братомъ и представленъ въ Москву. Онъ былъ пытанъ и казненъ, но на пыткѣ и при казнѣ показалъ нечеловѣческую твердость духа: онъ не испустилъ ни одного стона, ни одного вздоха отъ адскихъ мукъ, которымъ подвергали его. Въ 1671 г. за усмиреніе бунта окольничій и воевода князь Юрій Никитичъ произведенъ былъ

въ бояре-санъ, выше котораго не было въ то время.

Еше разъ встрѣчаемъ мы имя Юрія Никитича, бывшаго вѣроятно по усмиреніи Разина постоянно въ Москвѣ въ царской Думѣ, въ подписи подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи царемъ Θеодоромъ Алексѣевичемъ мѣстничества 1682 г. января 12 дня ([26]). Подъ этимъ соборнымъ дѣяніемъ подписались четыре Борятинскихъ, родственниковъ, но дальнихъ Юрія Никитича: двое бояръ Юрій Никитичъ и Иванъ Петровичъ, окольничій Данило Аθанасичъ и стольникъ Яковъ Семеновичъ.

Бояринъ *Иванъ Петровичъ* былъ сынъ Петра Романовича, Туринскаго воеводы ([27]) въ царствованіе Михаила Θеодоровича и Алексѣя Михайловича и племянникъ Василія Романовича, который по актамъ того времени значится сборщикомъ въ Ярославлѣ ([28]). Онъ родился 1615 г. отъ князя Петра и княгини Анастасіи ([29]). Съ 1636 г. онъ былъ стольникомъ, заключилъ съ Шведами миръ въ Кардисѣ 1661 г. и для его утвержденія ѣздилъ посломъ въ Стокгольмъ. По возвращеніи оттуда въ 1662 г. пожалованъ въ окольничіи; въ 1666 г. былъ Якутскимъ воеводою и въ тотъ самый годъ, когда родственникъ его Юрій Никитичъ преслѣдовалъ Стеньку Разина, онъ Иванъ Петровичъ приводилъ въ ясачное положеніе Омолоевскихъ Юкагировъ и Ламутовъ

съ помощію присланныхъ ему изъ Москвы воиновъ, ибо еще въ 1668 г. когда на рѣку Ангару нападалъ Мунгальскій Сенгунъ-тайша подъ Красноярскій острогъ, воевода Якутскій Иванъ Петровичъ просилъ о присылкѣ войска на помощь, потому что которыя и есть, говорилъ онъ, то одни обѣднялн, другіе остарѣли ([30]). Въ 1678 г. пожалованъ за устройство Сибирскаго края и за приведеніе въ подданство разныхъ народцевъ, въ бояре и проживалъ тогда въ Москвѣ, имѣлъ жену и дѣтей. Въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича былъ онъ на соборѣ, разсуждавшемъ объ уничтоженіи мѣстничества и подписался подъ соборнымъ дѣяніемъ. Человѣкъ онъ былъ въ высшей степени религіозный, посвятившій Богу и преподобному Даніилу, во имя котораго былъ построенъ монастырь въ Переяславлѣ, всего себя: свою жизнь, свое званіе и свое богатство. Сначала онъ присылалъ вклады въ Даниловъ Монастырь, наконецъ, послуживъ царю вѣрою и правдою, на 82 году поступилъ въ монастырь, постригся въ 1697 г. и жилъ подъ скромнымъ именемъ старца Ефрема. Въ 1701 г. скончался схимонахомъ въ Даниловѣ монастырѣ и погребенъ въ сѣверной сторонѣ настоятельскихъ покоевъ у главнаго крыльца. На его гробницѣ сдѣлана была надпись: «стани здѣсь человѣче, ко гробу сему присмотрися, яко человѣкъ въ мѣстѣ семъ положися, рабъ

Божій, вкладчикъ сея обители, схимонахъ Ефремъ, что въ мірѣ бѣ бояринъ, князь Иванъ Петровичъ Борятинскій, житія его 86 лѣтъ, 8 мѣсяцевъ, умеръ 1 іюля 1701 г».

1705 г. его сродникъ Антоній старецъ построилъ при гробѣ его деревянную церковь во имя Ефремія ради поминовенія его души; но въ настоящее время этой церкви не существуетъ.

На счетъ князя Ивана Петровича выстроены были кельи монастырскія и на каждой онъ велѣлъ сдѣлать надпись: «да помилятся о мнѣ грѣшномъ, чтобы Богъ избавилъ меня муки вѣчныя». Данилову монастырю онъ жертвовалъ по усердію къ сему угоднику, мощи котораго открылись только 1653 г, и по бѣдности этаго монастыря, разореннаго Литовцами и Поляками. Всѣ почти зданія, которыя видитъ теперь богомолецъ, построены Иваномъ Петровичемъ на его собственный счетъ на 20,000 р. Все это и теперь цѣло, исключая нѣкоторой утвари.

Третій подписавшійся подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества былъ окольничій *Даніилъ Афанасьевичъ*. Онъ былъ начальникомъ Владимірскаго суднаго приказа. Въ 1686 г. вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ онъ участвовалъ въ первомъ крымскомъ походѣ и стоялъ съ Новогородскимъ разрядомъ въ городѣ Сумахъ, подъ началь-

ствомъ воеводы и боярина Шеина ([31]). Въ слѣдующемъ 1687 г. іюля 25 съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ былъ на радѣ для избранія гетмана. Избранъ былъ гетманомъ Мазепа, который и принесъ присягу въ вѣрности—*быть ему и казакомъ въ вѣчномъ подданствѣ неотступно*. Онъ также былъ человѣкъ весьма благочестивый, жертвовавшій имѣніе бѣднымъ и на содержаніе монастырей. Въ 1694 г. онъ даже съ братомъ своимъ Алексѣемъ основалъ въ городѣ Брянскѣ Поликарповъ монастырь, упраздненный 1764 г. ([32]).

Четвертый былъ стольникъ князь Яковъ Семеновичъ, который участвовалъ вмѣстѣ съ своими родственниками въ преслѣдованіи шайки Стеньки Разина.

У боярина Юрія Никитича былъ сынъ *Θедоръ Юрьевичъ*. Онъ началъ службу съ 1663 г. Въ званіи стольника онъ отправленъ былъ воеводою въ Пермь, гдѣ вмѣстѣ съ нимъ служилъ его родственникъ Петръ Ивановичъ и Данило Афанасьевичъ Борятинскіе. Здѣсь онъ занимался устройствомъ края и благосостояніемъ жителей: такъ когда возстали за Камою и въ Уфѣ Башкирцы, онъ писалъ въ Москву о высылкѣ войска, съ помощею котораго усмирилъ Башкирцевъ; когда въ той сторонѣ не было хлѣба, онъ распорядился привезти его изъ хлѣбородныхъ мѣстъ, собиралъ недоимки, ясакъ, принималъ для продажи ви-

но, дѣлалъ народную перепись, для строенія городовъ посылалъ въ Сибирь плотниковъ, въ Чердыни построилъ ямской дворъ. Въ 1688 г мы встрѣчаемъ его вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ во второмъ Крымскомъ походѣ; здѣсь онъ былъ въ званіи стольника съ бояриномъ Шеинымъ въ Рыльскѣ, гдѣ велѣно быть Новогородскому разряду. Хотя и второй Крымскій походъ также не удался, какъ и первый; но правительница Софья щедро наградила всѣхъ, начиная съ любимца сердца своего князя Василія Васильевича Голицина. Князю Ѳедору Юрьевичу данъ былъ кубокъ золоченый съ кровлею, да кафтанъ золотной на соболяхъ, да деньгами 70 рублей, да на вотчину даны были ефимки. Въ 1694 г. былъ Кожуховскій походъ—послѣдняя военная потѣха Петра Великаго. Въ этомъ походѣ принималъ участіе и Ѳедоръ Юрьевичъ. Первое мѣсто занималъ Генералиссимусъ Бутурлинъ, во французскомъ мундирѣ, на богато-убранномъ конѣ. По обѣимъ сторонамъ его шло 16 человѣкъ съ аллебардами. За ними ѣхалъ воевода Андрей Ивановичъ Голицинъ съ товарищемъ княземъ Ѳедоромъ Боретинскимъ и Емельяномъ Украинцевымъ ([33]). Когда въ 1696 г. скончался царь Іоаннъ Алексѣевичъ, то у могилы его дневали и ночевали бояре и окольничіе и думные люди по 10 человѣкъ въ сутки по росписи;

въ числѣ ихъ былъ окольничій Θедоръ Юрьевичъ Борятинскій и стольникъ Семенъ Θедоровичъ Борятинскій.

Въ 1699 г. въ послѣдній годъ XVII столѣтія, въ послѣдній годъ древней Русской исторіи, 24 князя Борятинскіе владѣли населенными имѣніями; но оставили по себѣ память въ исторіи только потомки Юрія Никитича.

Князь Иванъ Θедоровичъ, сынъ Θедора Юрьевича, съ молодыхъ лѣтъ посвятилъ себя военной службѣ ([34]), образовалъ себя въ продолженіи войны Шведской, былъ адъютантомъ перваго русскаго фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева при осадѣ Риги, потомъ былъ полковникомъ 2-го гренадерскаго полка, носившаго имя полка *князя Борятинскаго* [нынѣ гренадерскій Императора Франца полкъ]; въ 1719 г. разбилъ сильный отрядъ непріятельскій близь Стокгольма, за что и произведенъ былъ въ бригадиры; отличился и въ персидскомъ походѣ 1722 г. Екатерина I произвела его въ генералъ-маіоры; Петръ II пожаловалъ его генералъ-лейтенантомъ и сенаторомъ. При вступленіи Анны Іоанновны на престолъ, онъ лично содѣйствовалъ ей въ пріобрѣтеніи самодержавія: въ его Московскомъ домѣ собирались приверженцы сей государыни, уничтожившіе пагубную аристократію. Объ этомъ Вейдемейеръ разсказываетъ такъ: «23 февраля 1730 г. привер-

женцы Анны Іоанновны собрались въ домѣ князя Ивана Ѳеодоровича и тутъ рѣшительно положили просить Императрицу о принятіи неограниченнаго самодержавія». Съ этимъ рѣшеніемъ Василій Никитичъ Татищевъ, извѣстный историкъ, былъ отправленъ къ князю Черкасскому, у котораго послѣ нѣкотораго сужденія съ находившимися тамъ дворянами, князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантеміръ написалъ о семъ прошеніе на бѣло, которое В. Н. Татищевъ въ первомъ часу по полуночи привезъ въ домъ князя Борятинскаго, тамъ подписали его 74 человѣка и съ нимъ опять поѣхалъ къ Черкасскому, тамъ подписали еще 93 человѣка, потомъ 58 офицеровъ. На другой день утромъ въ 8-мъ часу, отпѣвъ молебенъ, дворяне отправились во дворецъ. Генералъ фельдмаршалъ Трубецкой подалъ прошеніе, Татищевъ прочелъ, а Императрица подписала: быть по сему. Любовь Борятинскаго къ престолу была награждена, орденомъ Св. Алексанлра Невскаго 1731 г. вскорѣ потомъ назначенъ генералъ-губернаторомъ въ Москву, возведенъ Императрицею въ достоинство генералъ-аншефа 1736 г, а въ 1737 г. велѣно ему управлять Украйною. Не долго Малороссіяне, претерпѣвшіе въ то время чрезмѣрныя тягости, по причинѣ Турецкой войны, находились подъ благодѣтельнымъ и кроткимъ начальствомъ его. Князь Иванъ Ѳе-

доровичъ, къ *сожалѣнію признательнаго народа*, скончался въ маѣ 1738. Такъ отзываются о немъ малороссійскіе историки.

Онъ былъ женатъ на дочери великаго канцлера графа Гаврилы Ивановича Головкина, который въ то смутное время не держался ни какой партіи, а благоразумной средины, былъ силенъ своими заслугами и добродѣтелями, своимъ огромнымъ богатствомъ и большими связями родственными: этотъ нѣкогда *бѣдный Алексинскій помѣщикъ* имѣлъ теперь 20 тысячъ крестьянъ, сынъ его Михаилъ былъ женатъ на княжнѣ Ромадановской, старшая дочь была за графомъ Ягужинскимъ, младшая Наталья Гавриловна за Борятинскимъ. Отъ этого брака родился *Сергѣй Ивановичъ*, умершій въ цвѣтущихъ еще лѣтахъ 1746 г. капитаномъ гвардіи измайловскаго полка, женатъ онъ былъ на Аннѣ Петровнѣ Головиной и оставилъ послѣ себя двухъ сыновей Ѳедора Сергѣевича и Ивана Сергѣевича.

Князь Ѳедоръ Сергѣевичъ родился 1742 г. 5 апрѣля. Онъ служилъ въ гвардіи и будучи офицеромъ принималъ дѣятельное участіе въ іюнскихъ событіяхъ 1762 г. при отреченіи Петра III. Извѣстно, что Петръ III по отреченіи отъ престола взялъ себѣ Ропшу и изъ Ораніенбаума, гдѣ онъ жилъ въ то время, его перевели въ Петергофъ, разлучили съ друзьями его графомъ Гудовичемъ и Елизаветой Воронцовой. Графу

Алексѣю Орлову съ подчиненными ему капитаномъ Пассекомъ, княземъ Борятинскимъ и Баскаковымъ приказано было охранять развѣнчаннаго Императора ([35]). Вскорѣ за тѣмъ 4 іюля того же 1762 г. Императоръ скончался, Екатерина вступила на престолъ и наградила всѣхъ, участвовавшихъ въ переворотѣ, 600 душъ крестьянъ, а желающимъ вмѣсто крестьянъ выдавали по 2,400 руб. Въ день коронаціи Екатерины 22 сентября князь Ѳедоръ Сергѣевичъ изъ сержантовъ преображенскаго полка пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Въ 1778 г. былъ уже гофмаршаломъ. Находясь безотлучно при блистательномъ дворѣ Екатерины II, онъ принималъ всѣхъ высокихъ путешественниковъ, приносившихъ ей дань удивленія: Римскаго Императора Іосифа II, наслѣднаго принца и въ послѣдствіи короля Прусскаго Фридриха Вильгельма II, двухъ Шведскихъ королей Густава III и Густава IV и герцога Зюдерманландскаго [Карла XIII], короля Польскаго Станислава Августа, графа д' Артуа [въ послѣдствіи Французскаго короля Карла X], и Прусскаго принца Генриха, брата Фридриха II. Въ 1783 г. онъ сопровождалъ Екатерину въ Финляндію и долженъ былъ потомъ послать въ академическую газету подробное описаніе ея путешествія. Въ 1787 г. онъ также былъ въ свитѣ Екатерины во время ея путешествія въ полуденныя страны и

въ польскомъ мѣстечкѣ Каневѣ встрѣтилъ Польскаго короля Станислава Августа и на галерѣ Днѣпръ перевезъ его вмѣстѣ съ гофмейстеромъ Безбородко на другую сторону рѣки, гдѣ находилась Екатерина, которая не видѣла цѣлыхъ 23 года преданнаго ей короля Польскаго. За свою службу князь Ѳедоръ Сергѣевичъ не разъ получалъ награды: въ 1793 г. онъ получилъ орденъ Св. Александра Невскаго, имѣлъ обѣ Польскія ленты бѣлаго орла и Станислава, въ 1796 г. произведенъ въ оберъ-гофмаршалы. Императоръ Павелъ I, при самомъ вступленіи на престолъ, когда мать его Императрица Екатерина II, будучи поражена сильнымъ апоплексическимъ ударомъ, кончалась, но еще не умерла, какъ только пріѣхалъ изъ Гатчины, гдѣ жилъ почти во все царствованіе Екатерины II, въ Петербургъ, тотчасъ же приказалъ оберъ-гофмаршалу Борятинскому ѣхать домой, а должность эту поручить графу Шереметеву, а потомъ въ деревню. Во все царствованіе Павла онъ только разъ являлся при дворѣ, именно при погребеніи Екатерины II. Когда останки Петра III, погребеннаго въ Александро-Невской Лаврѣ, были переносимы въ Петро-Павловскій соборъ для погребенія вмѣстѣ съ супругою Екатериною II, тогда опальные вельможи Орловъ и Борятинскій несли регаліи за гробницею Петра III. Въ послѣдствіи уважая

ходатайство князя Ивана Сергѣевича, Императоръ Павелъ дозволилъ Өедору Сергѣевичу имѣть пребываніе въ Москвѣ, гдѣ онъ и умеръ 4-го іюня 1814 г. Женатъ онъ былъ на княжнѣ Марьѣ Васильевнѣ Хованской, отъ которой имѣлъ дочь Екатерину Өедоровну, бывшую за дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Долгорукимъ.

Князь Иванъ Сергѣевичъ родился 28 февраля 1738 г. и получилъ наилучшее воспитаніе подъ надзоромъ своего отца. Еще продолжая свои науки, онъ записанъ былъ на 8 году солдатомъ лейбъ гвардіи въ Измайловскій полкъ. Двадцати лѣтъ онъ поступилъ капраломъ въ Лейбъ-компанію и находился при Елизаветѣ на ординарцахъ по самую ея кончину. Петръ III пожаловалъ его подполковникомъ и флигель адъютантомъ. Отдавая справедливость благородному образу мыслей и душевнымъ качествамъ князя Ивана Сергѣевича, сохранившаго непоколебимую вѣрность Императору, Екатерина опредѣлила его 1762 г. кавалеромъ къ наслѣднику престола Павлу Петровичу, при которомъ кромѣ Борятинскаго кавалерами состояли: Никита Ивановичъ Панинъ, Остерманъ, Перфильевъ, Пастуховъ и С. А. Порошинъ, оставившій намъ драгоцѣнныя записки о воспитаніи Павла Петровича (36). «Въ этихъ запискахъ упоминается иногда Иванъ Сергѣевичъ Боря-

тинскій. Въ свободное отъ занятій время Павелъ Петровичъ любилъ поиграть съ своими кавалерами въ *три-три* и *берланъ*. Однажды за столомъ былъ оживленный разговоръ о Петрѣ Великомъ и Карлѣ XII. Нѣкто сказалъ, что изъ государей драчуновъ только и былъ что Петръ I, да сверхъ того онъ любилъ выпить Разговоръ былъ не приличенъ, а потому Борятинскій и Порошинъ старались перемѣнить его.» Шведы хранятъ все оружіе Карла XII въ арсеналѣ, замѣтилъ Борятинскій, а Порошинъ сказалъ, что Петрово оружіе скорѣе надо хранить, потому что онъ государство возвеличилъ, а Карлъ разстроилъ и что Шведы не помянутъ имени Карлова безъ отвращенія.» Борятинскій подтвердилъ это, потому что въ 1763 г онъ былъ отправленъ въ Швецію съ особеннымъ отъ государыни порученіемъ и могъ на дѣлѣ видѣть признательность Шведовъ къ Карлу XII. Въ бытность свою въ Швеціи князь Иванъ Сергѣевичъ получилъ отъ короля орденъ Меча, а Императрица пожаловала его полковникомъ Въ званіи кавалера князь Иванъ Сергѣевичъ говорилъ цесаревичу правду безъ низкой лести Павелъ Петровичъ иногда досадовалъ, приносилъ жалобы на князя; но имѣя возвышенныя чувства, сохранилъ къ нему признательность, ознаменованную въ послѣдствіи на опытѣ. Въ 1771 г. князь Иванъ Сергѣевичъ пожалованъ въ

генералъ-маіоры, въ 1773 г получилъ орденъ Св Анны, а при бракосочетаніи цесаревича съ принцессою Гессенъ Дармштадскою награжденъ за долговременную бытность при Его Высочествѣ кавалеромъ, пенсіею въ 2,000 руб. Въ этомъ же году Императрица пожаловала князя полномочнымъ министромъ къ Версальскому двору, а черезъ 4 года генералъ-поручикомъ. Князь имѣлъ счастіе встрѣтить въ Фонтенебло 1782 г. наслѣдника престола съ супругою Марьею Өеодоровною, путешествовавшихъ подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ, они остановились въ его домѣ. Борятинскій вездѣ имъ сопутствовалъ и получилъ отъ нихъ готовальню съ портретомъ и надписью: souvenir d'amitié. Князь проводилъ ихъ, сидя съ ними въ одной каретѣ, до Аміена въ Пикардіи.»

«Сверхъ многихъ успѣшныхъ переговоровъ, произведенныхъ имъ въ Парижѣ съ тамошнимъ министерствомъ, князь Иванъ Сергѣевичъ подписалъ вмѣстѣ съ цесарскимъ посломъ, въ качествѣ медіаторовъ [посредниковъ] заключенный въ Версали миръ 1783 г сентября 3 днямежду Франціею, Англіею и Испаніею, при чемъ получилъ портреты 3-хъ государей означенныхъ державъ, осыпанные крупными бриліантами 2 февраля 1784 г. Екатерина II пожаловала его кавалеромъ ордена Св. Александра Невскаго за произведенную не-

гоцiацiю, по случаю покореннаго Россiею Крымскаго полуострова, и вскорѣ 1785 г. уволенъ по прошенiю отъ всѣхъ дѣлъ съ мундиромъ и съ сохраненiемъ получаемаго пенсiона. На отпускной ауедiенцiи Людовикъ XVI подарилъ князю портретъ свой, обложенный бриллiантами и въ весьма лестныхъ выраженiяхъ отозвался Императрицѣ о посланникѣ, умѣвшемъ въ продолженiи 12 лѣтъ поддержать дружескiя сношенiя обѣихъ государствъ».

«Когда Павелъ вступилъ на престолъ, онъ съ распростертыми объятiями встрѣтилъ въ Москвѣ бывшаго своего кавалера и въ ознаменованiе особеннаго къ нему благоволенiя вручилъ ему драгоцѣнную табакерку съ портретомъ. Такой же подарокъ князь удостоился получить отъ Императора Александра, который останавливался въ загородномъ его домѣ, передъ въѣздомъ въ столицу для коронованiя. Умеръ онъ скоропостижно 22 декабря 1811 года на 74 году, къ общему сожалѣнiю всѣхъ знавшихъ».

«Съ сердцемъ добрымъ, благотворительнымъ, съ пламенною любовью къ отечеству, съ правилами благородными, князь Иванъ Сергѣевичъ соединялъ обворожительную наружность, которая неизмѣнилась даже и въ преклонныхъ лѣтахъ: былъ роста высокаго, стройнаго, имѣлъ поступь важную, взоръ кроткiй, черты правильныя,

улыбку привлекательную. Прекрасная душа изображалась на лицѣ его, въ словахъ, во всѣхъ движеніяхъ, вселяла къ нему невольнымъ образомъ любовь и уваженіе. Въ Парижѣ были вывѣски съ его портретомъ и съ надписью: au beau Russe».

«Супруга его Екатерина Петровна, кавалерственная дама ордена Св Екатерины, была дочь россійскаго генералъ-фельдмаршала и генералъ губернатора Лифляндскаго и Эстляндскаго принца Петра Августа Голштейнъ-Бекскаго; она скончалась нѣсколько дней прежде своего супруга, въ томъ же 1811 году».

«*Князь Иванъ Ивановичъ*, единственный сынъ ихъ, *служилъ* сначала офицеромъ въ гвардіи, въ 1790 г пожалованъ въ камеръ юнкеры, былъ волонтеромъ при Прагскомъ штурмѣ, подъ начальствомъ А. В Суворова и награжденъ орденомъ Георгія IV класса Въ царствованіе Павла былъ при дворѣ церемоніймейстеромъ, потомъ употребленъ былъ по дипломатической части, находился при посольствѣ въ Лондонѣ, былъ посланникомъ въ Мюнхенѣ, наконецъ получилъ чинъ тайнаго совѣтника и орденъ Св Анны 1 класса 30 августа 1811 г. Въ этомъ же году онъ лишился вдругъ и матери и отца. Такое горе не всякой можетъ перенесть равнодушно. Князь Иванъ Ивановичъ оставилъ службу и занялся сельскимъ хозяйствомъ. Во время

многократныхъ своихъ путешествій по образованнымъ странамъ, онъ пріобрѣлъ разнообразныя познанія и умѣлъ употребить ихъ и значительное свое состояніе съ пользою для себя и отечества, предпринимая въ обширномъ размѣрѣ агрономическія улучшенія. Онъ скончался въ маѣ 1830 года.»

Князь Иванъ Ивановичъ два раза вступалъ въ бракъ: въ первый разъ онъ былъ женатъ на Францискѣ Маріѣ Дюттонъ, дочери Англійскаго Лорда Шерборна, происходившаго отъ Одара, одного изъ сподвижниковъ Вильгельма Завоевателя. Отъ этаго брака князь имѣлъ дочь Елизавету. Во второй разъ онъ женатъ былъ на графинѣ Марьѣ Өедоровнѣ Келлеръ ([37]). Отъ нея имѣлъ онъ 4-хъ сыновей и трехъ дочерей:

1) Князь Александръ Ивановичъ, Генералъ Фельдмаршалъ, Намѣстникъ Кавказа родился 1814 г.

2) Князь Владиміръ Ивановичъ, женатый на княжнѣ Елизаветѣ Александровнѣ Чернышевой.

3) Князь Анатолій Ивановичъ женатый на Олимпіадѣ Владиміровнѣ Коблуковой.

4) Князь Викторъ Ивановичъ.

5.) Княжна Ольга Ивановна за Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникомъ Владиміромъ Петровичемъ Давыдовымъ.

6.) Княжна Леонилла Ивановна за Княземъ Людвигомъ Петровичемъ Сайнъ-Витгенштейнъ-Берлебургскимъ.

7.) Княжна Марія Ивановна, скончавшаяся въ январѣ 1843 года, была за Княземъ Михаиломъ Викторовичемъ Кочубеемъ.

В. С.

РОДОСЛОВНАЯ

КНЯЗЕЙ БОРЯТИНСКИХЪ.

Рюрикъ-879.

|

Игорь-945.

|

Святославъ-972.

|

Святой Владиміръ-1015.

|

Ярославъ Великій-1054.

|

Святославъ-1076.

|

Олегъ-1115.

|

Всеволодъ-1146.

|

Святославъ-1194.

|

Всеволодъ Чермный Черниговскій-1215.

|

Святой благовѣрный князь Михаилъ Черниговскій.

|

Юрій Михаиловичъ Тарусскій.

|

Всеволодъ Юрьевичъ Тарусскій.

|

Андрей Всеволодовичъ Мезецкій-1361.

|

Князь Александръ Андреевичъ Мезецкій—Борятинскій.

|

Григорій.

|

Василій.

|

Иванъ Васильевичъ.

|

Петръ Ивановичъ.

|

Ѳедоръ, Яковъ, Иванъ, Михаилъ, Никита,

|

Юрій

|

Ѳедоръ

|

Иванъ-1738.

|

Сергѣй-1746.

|

Иванъ и Ѳедоръ
1711. 1814.

|

Иванъ
1830.

|

Александръ, Владиміръ, Анатолій, Викторъ, Ольга, Леонилла и Марія.

Гербъ князей Борятинскихъ: щитъ раздѣленный перпендикулярно на двѣ части: въ правой, въ голубомъ полѣ, гербъ великаго княжества Кіевскаго, ангелъ въ одеждѣ сереботканной, держащій въ правой рукѣ обнаженный серебряный мечъ, а въ лѣвой золотой щитъ. Въ лѣвой части, гербъ княженія Черниговскаго, въ золотомъ полѣ, черный орелъ съ золотою короною на головѣ, съ распростертыми крыльями, держитъ въ лѣвой лапѣ большой золотой крестъ. Щитъ покрытъ княжескою мантіею и княжескою шапкою.

ПРИМѢЧАНІЯ:

(1) П. С. Р. Л. Т. II стр. 181.

(2) Карамз. Т. IV примѣч. 41.

(3) Дочь Михаила Черниговскаго Марія была за княземъ Константиновичемъ Ростовскимъ Борисъ былъ ихъ сынъ.

(4) Часть мощей Св. Михаила Черниговскаго находится также въ Срѣтенскомъ монастырѣ, что въ Москвѣ, и въ крестѣ, хранящемся въ семинарской церкви въ городѣ Рязани. См. Чтенія Общества исторіи и древн. Россійскихъ книга III 1859 г.

(5) С. г. Г. и Д. Т. I стр. 478, 489 и 565.

(6) С. г. Г. и Д. Т. I стр. 545.

(7) Истор. Карамз. Т. IX. стр. 132.

(8) Истор. Карамз. Т. IX примѣч. 550.

(9) Въ собраніи г. Г. и Д. Т. I стр. 497 упоминается Юрій Θедоровичъ Борятинскій, поручившійся за Ивана Васильевича Шереметева марта 8 дня 1564 г. Не одно ли это лице съ Юріемъ Борятинскимъ, упоминаемымъ у Карамзина, котораго онъ по отцѣ называетъ Дмитріевичемъ? Въ Русской родословной книгѣ Долгорукова Т. I стр. 73 и 74 въ XVIII колѣнѣ упоминается Юрій Θедоровичъ и только въ XX Юрій Дмитріевичъ.

(10) Карамз. Т. IX стр. 261.

(11) Акты Археогр. Экспедиціи Т. I стр. 313. Т. III, 314, 317. С. г. Г. и Д. Т. III стр. 233. Въ царствованіе Михаила Θедоровича князь Иванъ Михайловичъ былъ приставомъ у сборныхъ, хлѣбныхъ и мясныхъ запасовъ. Въ 1621 г. онъ получилъ порученіе ѣхать съ дьякомъ, Иваномъ Позднѣевымъ въ Бѣлевъ и Мценскъ набирать войско для войны съ Сигизмундомъ, а въ 1632 г. во время второй Польской войны въ званіи хлѣбнаго пристава, ему велѣно было отвести подъ Смоленскъ для продовольствія войска ржаной муки.

(12) Карамз. Т. XI стр. 19.

(13) Историч. акты Т. II. стр. 133, 135, 138, 178, 339, 1608-1610.

(14) Акты Арх. экс. Т. II стр. 180, 220, 1608-1609.

(15) Т. IX стр. 125.

(16) С. г. Г. и Д. Т. II стр. 375, 1609 г. августа 27.

(17) С. г. Г. и Д. Т. III 31. Карамз. Т. XII стр 93, 97, Ах. Арх. экс. Т. II стр 238; историч. акты Т. II стр. 161; 173, 290. нѣкоторые полагають, что онъ б. убить въ Клушинскомъ сраженіи но въ числѣ возвращаемыхъ плѣнныхъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ упоминается князь Яковъ Борятинскій. Кажется, что Яковъ Петровичь.

(18) Ак. историч. Т. III стр 15. С. г. Г. и Д. Т. III стр. 90

(19) С. г. Г. и Д Т. III стр. 147.

(20) С. г. Г. и Д. Т. III стр. 169.

(21) Акты Арх. Эк. IV. п. Берха царств. Алек. Михайл. стр. 128.

(22) Акты Арх. Эк Т. стр. 197.

(23) Костомаровъ. Бунтъ Стеньки Разина, стр 50.

(24) Окольничій и воевода Юрій Борятинскій писалъ неоднократно къ царю о дѣйствіяхъ своихъ противъ воровъ и разбойниковъ. Одна изъ такихъ отписокъ холопа Юшки, какъ называетъ себя Борятинскіи, говоритъ, что сраженіе было кровопролитно, *такъ что въ поль и въ обозь и въ улицахъ въ трупу нельзя было конному проьхать, и пролилось крови столько, какъ отъ дождя большіе ручьи протекли*... Матеріалы для истор. возмущ. Сеньки Разина. стр. 70.

(25) Костомар. стр. 152.

(26) С. г. Г. и Д Т. IV стр. 496, 407, 8, 10.

(27) Акты истор. IV 1645. Дополн. къ актамъ Т. III 1646.

(28) Ак. Арх. Эк. Т. III стр. 345.

(29) Чтеніе Общ. исторіи и Древн. Россійс. кн. II 1859. статья Свирѣлина.

(30) Акты истор. Т. IV стр. 358. Дополн къ ак. истор. Т. V стр. 380.

(31) Исторія Петра Великаго, Устрялова Т. I стр 192.

(32) Берха Царств Ѳеодора Алексѣевича.

(33) С. г. Г. и Д Т IV. стр. 601 и у Желябужскаго стр. 270.

(34) Объ немъ смот у Бантышъ-Каменскаго. Часть I. 1836 стр 106. Арсеньева Петръ II. стр 65 и обо всѣхъ вообще Борятинскихъ въ энциклопедич. лексик. Часть I статья Языкова, у Долгорукова въ Россійской родословн. книгѣ часть I и въ словарѣ Бантышъ-Каменскаго, у котораго весьма много занимательнаго внесено слово въ слово въ настоящій очеркъ.

(55) Отеч. Записки 1859 г. сентябрь стр. 235.

(56) Записки Порошина стр. 23, 414.

(57) См. Ставропольскія Губерн. Вѣд. № 40—1859 г. Княгиня Марія Өеодоровна Борятинская.